

Славянская культура заимствовала индоевропейские представления о космическом море: в фольклорной картине мира русских море как часть океана является праматерией, из которой образовались земля и весь мир. В космогоническом порядке море является элементом пространства, который существует вечно. Этим объясняется отнесение моря к фантастической составляющей сказки, ведь образ моря воплощает бесконечность времени, вечность, праматерию, бездонность, глубину, изменимость.

1. Журавлев А. П. Звук и смысл / А. П. Журавлев. - 2-е издание, исправленное и дополненное. - М.: Просвещение, 1991. - 160 с., 102
2. Иванова Л. П. Концепт "море" в творчестве А. С. Пушкина / Л. П. Иванова // Крымский Пушкинский научный сборник. - Выпуск 2, Морской вектор в русской культуре. - Симферополь: "Крымский архив", 2002. - С. 33-44.
3. Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В. А. Маслова. - Минск: Высшая школа, 1997. - 156 с., 83
4. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А. Ф. Папина. - М.: Едиториал УРСС, 2002. - 368 с.
5. Пушкин А. Письмо Пушкину Л. С., 24 сентября 1820 г. Из Кишинева в Петербург // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. - Т. 10. Письма. - С. 18.
6. Пушкин А. Дельвигу А. А., декабрь 1824 // Полное собрание сочинений в шестнадцати томах. - Т. 13. Переписка, 1815-1827-1937-1959. - С. 251.
7. Пушкин А. С. Поэмы, Сказки // А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах. Том третий. - Гослитиздат. - М., 1959.
8. Шуришина Т. И. Актуальные проблемы стилистики текста (цветофоносемантический аспект): учебное пособие / Т. И. Шуришина. - Черновцы: Рута, 1999. - 96 с.
9. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. - 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. - М.: Азбуковник, 2000.

ИВАНОВА И.Б.

КОНОТОП В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В. В. МАЯКОВСКОГО

Жизнь и творчество В. Маяковского - одной из ярчайших поэтических фигур русской литературы XX века - и сегодня привлекает внимание широкого круга литературоведов, критиков, педагогов-филологов. Особое место в литературном наследии писателя занимает украинская тема. Это объясняется рядом причин. Здесь и украинские корни, гордо и на долгие годы полемично заявленные в стихотворении "Нашему юношеству":

Я -
дедом казак, другим -
сечевик,
а по рожденью
грузин.

Не случайно в доме, по воспоминаниям матери, Александры Алексеевны, часто звучали русские, украинские и грузинские песни. Так, по оценке самого поэта "между тремя культурами" росли и формировались мировоззренческие и поэтические взгляды будущего поэта-новатора, бунтаря и лирика.

В последнее время появились новые работы, подробно исследующие генеалогию поэта и достаточно убедительно доказывающие его украинское происхождение. Впрочем, это мало что меняет в нашем представлении о личности Маяковского-интернационалиста, искренне, с любовью и всегда с уважением пишущем и о негре Вилли, и о "тихом еврее Лавуте", и о латыше Нетте, и о десятках других людей самых разных национальностей.

Одно из лучших стихотворений Маяковского называется "Долг Украине". Своим творчеством поэт на протяжении всей жизни пытался уменьшить этот долг, призывая учить "величавый и простой" украинский язык, историю Украины.

В автобиографии "Я сам" в записях за 1926 год читаем: "Вторая работа - продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей. Езжу по городам и читаю" [4, 40]. И далее, как мы понимаем, в далеко не полном перечне городов поэт рядом с Парижем, Берлином, Тулой, Прагой и другими городами называет украинские Винницу и Харьков.

Поэт был частым гостем на Украине. Ещё в 1912 году он приезжал в Новую Маячку (бывшей Херсонской губернии). Туда на Рождество его пригласил Давид Бурлюк. Здесь отец Давида работал управляющим в имении, и Маяковский впервые увидел зимний украинский пейзаж, украинскую ночь, о которой написал позднее, услышал украинскую речь, узнал о жизни украинцев, их обычаях. Позднее он четыре раза побывает в Одессе, трижды - в Днепропетровске, дважды посетит Винницу, Николаев, был в Луганске, Полтаве, Житомире, Донецке, Бердичеве.

Особенно часто поэт приезжал в Киев и Харьков, где выступал 45 раз. Лишь в 1925 - 1926 годах он побывал в этих городах 15 раз. Также обширен список городов, мест и других географических реалий Крыма, который тогда входил в состав РСФСР. О пребывании в Киеве, Харькове, Одессе, Виннице он написал в своих произведениях, остались многочисленные афиши, возвещающие о концертах, встречах с читателями в этих городах. Вспоминал он и украинские места, где не довелось побывать: Кременчуг, Изюм, Чернигов, Фастов, Славянск.

В современном литературоведении наметился серьёзный интерес к такому жанру, как травелог. На русскую почву этот термин был перенесен более 10 лет назад и трактуется как повествование или лекция о путешествии, зачастую сопровождаемое иллюстрациями или географическими картами.

Заграничні поїздки довірених московських і ленинградських літераторів почалися вскорі після закінчення Громадянської війни. Значення Маяковського в історії таких подорожей величезно. "Я їзжу не дивуватися, а дивуватися", - говорив поет.

Но, судя по его "американскому" и "парижскому" циклам, имело место и то, и другое. "Стихи и очерки Маяковского, посвященные Европе, стали тем окуляром, через который разглядывали Запад советские литераторы, ехавшие вслед за главным поэтом революции" [6, 101]. Это наблюдение, бесспорно, справедливо и по отношению к Америке. Среди больших книг, книг первого ряда, написанных в жанре травелога, исследователи называют стихи из "американского" цикла В. Маяковского и его книгу очерков "Моё открытие Америки" [7].

Внимательное изучение творчества Маяковского, его записных книжек, многочисленной переписки позволяет прийти к определённым выводам относительно "сумской" (в широком смысле) темы. К сожалению, ни в собрании сочинений поэта, ни в каких других материалах и документах мы не найдём прямых доказательств пребывания поэта на Сумщине. Но есть упоминания о её городах. Особое место здесь принадлежит Конотопу. Исследователь творчества Маяковского, собравший многочисленный материал о его украинике, Б. Л. Звагельский даёт убедительное, на наш взгляд, пояснение "конотопским" вакансиям поэта [1; 2].

Очевидно, что в самом городе Владимир Владимирович не был, не бродил по его улочкам и переулкам, не заходил в "хохлацкие" лавки, не прохаживался между аппетитными рядами базара с местными яствами. Но вот на станции он, без сомнения, был, потому что много раз проезжал её. И когда ехал из Москвы в Киев, а иногда и из Харькова выступать в украинскую столицу. Конотоп же, как и сегодня, был достаточно крупной узловой станцией и находился на перекрёстке железнодорожных магистралей, которые ведут в Москву, Киев, Минск, Воронеж, Харьков и т. д.

Строительство в 1868 - 1869 годах Курско-Киевской железной дороги оказало большое влияние на последующее развитие Конотопа. В разные времена через Конотоп проходили жизненные и творческие пути Т. Шевченко, Г. Квитки-Основьяненко, Н. Гоголя, И. Франко, Леси Украинки, Марко Вовчок, П. Кулиша и др. Зная интерес поэта ко всему, что его окружает, стремление всё узнать, можно предположить, что он выходил на конотопский перрон, заходил в здание станции.

Справедливость этого предположения подтверждают и факты, изложенные в книге Павла Лавута "Маяковский едет по Союзу". Автор ездил с Маяковским по стране в 1926 - 1930 годах, помогая ему в организации многочисленных творческих вечеров. Его книга написана в жанре воспоминаний, путевых записей. Она даёт представление о кипучей работе поэта и о большом влиянии поездок на его творчество.

П. Лавут пише о том, что Маяковский горячо любил Украину, не раз выступал в разных её местах, и поэтому ему пришлось много ездить по украинской земле. "От Киева до Москвы нашей попутчицей оказалась киноактриса Юлия Солнцева.

Маяковский пригласил её к нам в купе из соседнего вагона. Проводник требовал, чтоб она вернулась к себе: "Не имеет права переходить в вагон высшей категории". Владимир Владимирович не соглашался с прихотями проводника и принципиально не отпустил Солнцеву, уговаривая её остаться. Солнцева спросила Маяковского: "Почему вы выходите на каждой станции?"

- Я должен всё знать, иначе мне неинтересно" [3].

На встрече с пролетарскими читателями в Ростове-на-Дону 7 февраля 1926 года поэт подчёркивал, что необходимо писать о том, о чём сами пишущие хорошо знают, но в то же время, что ещё не вошло в литературу. Это была принципиальная позиция писателя, которой он придерживался до конца своей жизни. На одной из последних встреч с читателями 25 марта 1930 года Владимир Владимирович снова подтвердит её: "Я избегаю писать о том, чего не видел". До выстрела 14 апреля останется меньше месяца.

Очевидно, Маяковский хорошо был знаком со станциями, которые проезжал, следуя в Киев. Об этом говорит, например, такой факт. В юмористическом рассказе "Как я её рассмешил" (1926 год, журнал "Огонёк") поэт несколько раз вспоминает Бахмач, соседнюю с Конотопом железнодорожную станцию.

Самым известным упоминанием Конотопа является стихотворение "Небоскрёб в разрезе". Как известно, в 1925 году Маяковский несколько месяцев был в Америке, где вёл очень активную литературную жизнь. Само собой - это работа над новыми произведениями, а ещё - встречи с читателями, концерты. Главный результат - "американский" цикл, как его позднее назовут исследователи. Эмоции: восторг от стройных авеню и "стритов", "расчёта сурового гаек и стали", высокого уровня технического развития - уступят место более объективной, взвешенной оценке в прозе - очерках "Моё открытие Америки".

Отметим, что и в "американском" цикле, и в "парижском" поэт стремился к максимальной объективности в изображении реалий заграничной жизни. В стихотворении "Нашему юношеству" (1927) он призывает молодежь следовать именно такому взвешенно-спокойному и в то же время активно-деятельному подходу:

Смотрите на жизнь
без очков и шор,
глазами жадными цапайте
всё то,
что у вашей земли хорошо
и что хорошо на Западе.

Хороши "вздыбленный" Бруклинский мост, огромный небоскрёб Вульворт в "корсетной коробке", яркая бродвейская лампиония, собвеи и элевейтеры. Обо всём этом немало сказано в стихах об Америке. В "Небоскрёбе в разрезе" поэт наглядно демонстрирует своё отношение ко всему тому, что увидел, понял и осмыслил в горьковском "городе жёлтого дьявола". Перед читателями предстаёт уже знакомый из других стихотворений силуэт небоскрёба. Но мы видим его в необычном ракурсе: "насквозь", в разрезе.

Возьми
разбольшущий
дом в Нью-Йорке,
взгляни
насквозь
на зданье на то.
Увидишь -
старейшие
норки да каморки -
совсем
дооктябрьский
Елец аль Конотоп [4, 322-323].

Этаж за этажом дом-великан открывает перед нами свой мир. Многочисленные конторы и маленькие "старейшие норки да каморки" жильцов. В одних жадно и озабоченно считают деньги, в других - мечтают о богатых женихах и невестах, в-третьих - собирают компромат на неверных супругов. Здесь нет места чему-то настоящему, красивому и поэтичному. Форма - "дом длиною до звёзд, а высотой - до луны" - не соответствует содержанию. Духовное опустошение, отсутствие высоких идеалов, серая, однообразная жизнь - так по-чеховски выделась Маяковскому провинция.

В стихотворении "Три тысячи и три сестры" он спрашивает: "Помните, раньше дела провинций? Играть в преферанс, прозябать и травиться". Конотоп и явился для поэта олицетворением такого морального опустошения, мрака и мещанства. Заметим, что название украинского районного центра встречается и во всех афишах выступлений Маяковского после возвращения из США. Поэт организует ряд вечеров под общим названием "Моё открытие Америки". Среди других тезисов программ находим: "Нью-Йоркский поэтический Конотоп". Показательно, что в Харьковской афише названия частей вечера Маяковский представил на украинском языке.

О Конотопе Маяковский упоминает ещё в одном, не столь известном стихотворении - "Ух, и весело!". Под текстом автор даёт информацию, что он написал его 18 января 1924 года на пути из Киева в Москву. Интересно, что примерно через месяц поэт снова выступает в Киеве и читает это стихотворение, которое в печатной программе значится под названием "Вагон

до Конотопа". Содержание стихотворения не соответствует своему первоначальному задорному названию. Ничего по-настоящему весёлого нет в том, что на "крохотном перегоне от Киева до Конотопа" пассажиры чувствуют себя неуверенно:

Разговор
перекидывается сам
от бандитов
к Брынским лесам.
Остановят поезд -
минута паники [4, 206-207].

И когда в четыре часа ночи раздался стук в купе, перепуганные люди узнали, что им всего лишь предлагают купить открытки, выручка от продажи которых пойдёт на развитие воздушного флота страны. Вот в таком иронично-сатирическом контексте поэт здесь вспоминает Конотоп.

В неоконченной поэме "Пятый Интернационал" (1922) Маяковский переносит читателя на много лет вперёд. В первой части отдельные страницы посвящает он своей стране. В другой половине текста перед нами заграница. Поэт слушает радио, где сплошная неразбериха, шум:

Тысячное радио.
Несколько слов:
"Ллойд-Джордж.
Болезнь.
Надуло лоб.
Отставка.
Вызвал послов.
Конференция!"
Конотоп! [5, 165]

Смысл употребления названия города с последующим восклицательным знаком вполне определён: это синоним беспомощности, всевозможных досужих разговоров и бестолковости.

Таким образом, начиная с 1922 года в поэтическом мире Маяковского периодически появляется образ маленького украинского города, который стал для него символом мещанства, провинциализма, моральной и духовной опустошённости: будь-то Россия, Америка или ещё какая-то другая страна мира.

Сегодняшний Конотоп - город областного подчинения, административный и культурный центр Конотопского района, расположенный в западной части Сумской области. Несомненно, он мало напоминает тот, который нарисовал поэт в своих произведениях. Это один из немногих городов области, где есть улица, носящая имя великого поэта. Думается, Конотоп начала XXI века ему

бы понравился. И скорее всего - ожил бы на страницах стихов, очерков, зазвучал во время многочисленных выступлений с эстрады, встреч с молодёжью. "Поэт - всегда должник Вселенной", - говорил Маяковский. Вся его жизнь и стала возвращением этих необычных долгов.

1. Звагельский Б. Л. "Вагон до Конотопа" / Б. Л. Звагельський // Ленінська правда. - 1968. - 15 червня.
2. Звагельский Б. Л. Маяковский на Україні / Б. Л. Звагельський // Ленінська правда. - 1969. - 27 травня.
3. Лавут П. Маяковский едет по Союзу / П. Лавут. - М.: Сов. Россия, 1969. - 138 с.
4. Маяковский В. В. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / В. В. Маяковский ; сост. Ал. Михайлова; вступ. ст. А. Метченко ; прим. А. Ушакова. - М.: Правда, 1987. - 768 с.
5. Маяковский В. В. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / В. В. Маяковский ; сост. Ал. Михайлова; прим. А. Ушакова. - М.: Правда, 1987. - 768 с.
6. Пономарёв Е. Травелог Маяковского. Начало жанра / Е. Пономарёв // Вопросы литературы. - 2012. - № 2. - С. 100-143.
7. Советские травелоги: Западная Европа устами писателей 1920 - 1930-х годов. - Режим доступа: [www.svoboda.org>content/transcript/24551956.html](http://www.svoboda.org/content/transcript/24551956.html).

РОДЕНКО А. В., САГДУЛЛАЕВ ГАНИШЕР

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УКРАИНСКИХ И УЗБЕКСКИХ ПОСЛОВИЦ О РОДИНЕ

Пословицы и поговорки живут в народной речи и сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Меткие образные высказывания отражают все стороны человеческого бытия, запечатлевают исторические события, отображают мировосприятие того или иного народа. Под пословицами понимаются краткие изречения, имеющие поучительный смысл и передающиеся народом из поколения в поколение. Пословицу называют народной мудростью, практической философией, школой жизни, сводом правил человеческого общежития, исторической памятью народа. Выдающийся языковед В. И. Даль писал, что пословицы - это "свод народной премудрости", "стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение в лицах". Он назвал их "цветом народного ума", "житейской народной правдой" [1]. Выражая мнение не отдельных людей, а целого народа, пословицы имеют предельно краткую, запоминающуюся форму.

Поговорка - это широко распространенное образное выражение, которое не имеет обобщающего смысла и поучительной тенденции. Пословицы и поговорки содержат много общих и схожих свойств, они являются языковыми афоризмами, имеют рифму и легко запоминаются. Одним из отличительных признаков пословиц является их назначение: пословицы чаще используют как аргумент, как доказательство своей правоты, тогда как поговорку, главным образом, - для украшения речи, придания ей национального колорита.